

Владимир Д. Климонов
Университет им. Гумбольдта, Берлин

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ВИДОВЫХ ПАРАДИГМ И УТРАТА ОППОЗИЦИИ НЕИТЕРАТИВНОСТИ–ИТЕРАТИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение: предмет и теоретические основы исследования

В древнерусском языке старшего периода сосуществовали три тесно связанные между собой аспектуальные оппозиции, а именно старые индоевропейские аспекты (имперфективный (или имперфектный), перфективный (или аористный) и перфектный), старая славянская оппозиция неитеративности–итеративности и новые славянские виды (оппозиция совершенного и несовершенного видов). Развитие этих трех аспектуальных оппозиций протекает в направлении сохранения новых славянских видов как центральных структурных характеристик русской аспектуальной системы и устранения старых индоевропейских аспектов и старой славянской оппозиции неитеративности–итеративности как конкурирующих структурных единиц. Такое направление развития определяется действием принципа типологического единства и систематики морфологических систем, сформулированным в рамках теории естественной грамматики (см. Wurzel 1984: 174–175). В настоящей работе я анализирую вытеснение оппозиции неитеративности–итеративности новыми славянскими видами. Утрату старых индоевропейских аспектов, функционирующих в тесном взаимодействии с категорией времени в составе видо-временных форм прошедшего времени, я рассматриваю отдельно (см. Klimonow 2004: 193–204).

Старая славянская оппозиция неитеративности–итеративности ([–ИТЕР] / [+ИТЕР]) обнаруживается у простых (бесприставочных) глаголов. В качестве формальных показателей итеративности выступали продуктивные суффиксы *-a-* и *-я-* (*пълзи* — *пълзати*, *сѣти* — *сѣяти*) и непродуктивный суффикс *-ва-* вместе с производными от него суффиксами *-ава-*, *-ова-*, *-ева-*, ср. *бити* — *бивати*, *дѣлати*

— *дѣловати*. Для выражения итеративности использовались также чередования в основе, ср. *нести* — *носити*, *лѣзти* — *лазати*, *летѣти* — *лѣтати*, *лобѣзати* — *лобызати*. От итеративных образований типа *ходити*, *ѣздити*, *носити* могли быть образованы вторичные итеративы с продуктивным тогда суффиксом *-а-*: *хаждати*, *ѣзжати*, *нашати*.

Наиболее древние модели вторичной имперфективации, репрезентирующие новые славянские виды, были заимствованы из древнецерковнославянского языка и обнаруживают те же самые экспоненты аспектуальности, что и категория итеративности, а именно продуктивные суффиксы *-а-* и *-я-* типа *отъпасти* (< *отпади) — *отъпадати*, *обѣлити* — *обѣляти* и непродуктивный суффикс *-ва-* с его дериватами (*-ава-*, *-ова-*, *-ева-*) типа *сѣвити* — *сѣвивати*, *показати* — *показавати*, *привязати* — *привязовати*, *воздержати* — *воздержевати*.

Такое совпадение формальных показателей в оппозиции неитеративности–итеративности ([–ИТЕР] / [+ИТЕР]) и в оппозиции совершенного вида (СВ) / несовершенного вида (НСВ) вполне объяснимо, если исходить из допущения, что видовая оппозиция возникла на базе оппозиции неитеративности–итеративности. Юрий Маслов (1984: 108–109) возводит оппозицию СВ / НСВ к более старой корреляции детерминативного (т.е. определенного) действия ([+ДЕТ]) и индетерминативного (т.е. неопределенного) действия ([–ДЕТ]). Корреляция [+ДЕТ] / [–ДЕТ] является разновидностью оппозиции [–ИТЕР] / [+ИТЕР], относящейся к противопоставлению определенных (т.е. однонаправленных) и неопределенных (т.е. разнонаправленных) глаголов движения типа *пѣлзти* — *пѣлзати* (см. Маслов 1984: 105). В исходной оппозиции неопределенных (или атерминативных) глаголов типа *пѣлзти* — *пѣлзати* детерминативное, т.е. однократное актуально-длительное действие со значением однонаправленного движения противопоставлялось индетерминативному, т.е. многократному неактуально-длительному действию со значением разнонаправленного перемещения. В производной оппозиции предельных (или терминативных) глаголов типа *въпѣлзти* — *въпѣлзати* противопоставление [+ДЕТ] / [–ДЕТ] первоначально сохраняется. В ходе исторического развития за формой с суффиксом *-а-* типа *въпѣлзати*, обозначающей индетерминативное, т.е. многократное действие, закрепляется и новое конкретно-процессное значение протекающего разового действия, свойственное первоначально форме типа *въпѣлзти*. Форма типа *въпѣлзати*, объединяющая старое значение итеративного действия и новое значение неитеративного актуально-длительного действия, начинает функционировать как форма НСВ. По контрасту с ней форма типа *въпѣлзти*, утратившая старое конкретно-процессное значение однократного действия, приобретает значение

СВ. Новое содержание, передаваемое оппозицией терминативных глаголов типа *въпълзти* — *въпълзати*, определяется теперь как противопоставление действия, достигшего своего предела, обозначенного приставкой *въ-*, и действия, не достигшего своего предела, т.е. значения, свойственного соответственно формам СВ и НСВ.

Развитие категории итеративности тесно связано с эволюцией категории вида в русском языке. Виды оказывают решающее влияние на судьбы категории итеративности. Изменения в формальной манифестации итеративности рассматриваются поэтому на фоне преобразований в видовой системе русского глагола. Механизмы перестройки этих двух категорий анализируются под углом зрения теории естественного грамматического развития (ср., например, Dressler и др. 1987, Dressler 2003, Wurzel 1994, 1998, 2001). Согласно этой теории грамматические изменения в языковой системе определяются общими тенденциями развития, регулируемые действием принципов маркированности (= принципов естественности = законов преферентности). Важное место в ряду таких принципов занимает принцип естественного грамматического развития (см. Wurzel 1994: 28–32). В соответствии с этим принципом грамматические изменения в языковой системе протекают в направлении устранения маркированных фрагментов языковой системы посредством замены маркированных (т.е. более сложных) элементов языковой системы немаркированными (т.е. менее сложными) элементами. Вольфганг Вурцель (Wurzel 1998: 62–65) определяет маркированность как нагрузку языковой способности носителя языка, обусловленную артикуляторно-перцептивной, семиотической и когнитивной сложностью соответствующих языковых единиц. Морфологическая маркированность базируется на семиотической сложности, т.е. на характере взаимного соответствия семантических и формальных элементов внутри слова как максимального морфологического знака. Маркированность видовых парадигм в настоящей работе понимается мною в семиотическом ракурсе как проекция отношений маркированности концептуально-семантического уровня на отношения маркированности фономорфологического (или формального) уровня. В соответствии с этим выделяются иконические (максимально и минимально иконические), неиконические и контраиконические парадигмы (см. Klimonow 2000: 279–284). Такая направленность исследований сближает естественную грамматику с когнитивной лингвистикой. В когнитивной лингвистике грамматические структуры рассматриваются в соотнесении с концептуальными структурами как их когнитивными аналогами (см., например, Кубрякова 2004: 13, 16; Климонов 2005: 22–24). Концепция маркированности в естественной

грамматике позволяет представить языковые явления в их системной связи и дает объяснение закономерностям развития грамматической системы языка.

2. Видовая дифференциация древнерусского глагола

Видовая система древнерусского языка старшего периода обнаруживает определенные особенности, которые указывают на ее промежуточное положение между безвидовой глагольной системой раннего общеславянского языка и грамматикализованной видовой системой современного русского языка (см. Bergel 1995: 345). Становление новых славянских видов началось еще в общеславянскую эпоху, и ко времени появления засвидетельствованных исторических памятников славянской письменности видовая система в основных своих чертах уже сложилась. В старых древнерусских письменных источниках основная масса глаголов имеет видовое значение НСВ или СВ. Однако довольно значительное число глаголов было нейтрально в отношении вида. Такие глаголы могли употребляться как в значении НСВ, так и в значении СВ. Они являются реликтами той ранней стадии развития общеславянского языка, на которой еще не существовало видовых различий.

Непредельные (атерминативные) бесприставочные глаголы типа *идти*, *ѣхати*, *нести*, *видѣти*, *слышати*, *судити*, *грѣшити*, которые в современном русском языке выступают как глаголы НСВ, в древнерусском языке обнаруживают двойную видовую интерпретацию, ср. значение НСВ (и соответственно значение настоящего времени) у глагола *ѣхати* в примере (1) и значение СВ (и соответственно значение будущего времени) у того же самого глагола в примере (2).

- (1) *Игорь ѣдетъ по Боричеву (Слово о полку Игоревѣ, XII в.)*
 (2) *Не шли отрока ѣду [= приеду] самъ и две гривны везу [= привезу]*
(Берестяная грамота, XIII в. из Старой Руссы)

Предельные (терминативные) бесприставочные глаголы типа *дати*, *купити*, *пастн*, *лишити*, *сѣсти*, *лечи*, которые в современном русском языке получили значение СВ, в древнерусском языке могли употребляться как в значении СВ (пример (3)), так и в значении НСВ (пример (4)).

- (3) *ученицы бо его ошлы бѣаху въ градъ, да брашьно купятъ*
(Остромирово Евангелие, 1056–1057)

- (4) *почахомъ купити хлебъ* (Новгородская (первая) летопись, по синодальному списку XIII–XIV вв.)

Некоторые из приведенных глаголов сохраняют нейтральное в отношении вида значение вплоть до нового времени. Так Петр Кузнецов (1953: 245–246) отмечает употребление глагола *пастн* в значении НСВ в русском языке вплоть до середины XIX в. Такие примеры найдены им даже у Пушкина.

Префиксальные глаголы типа *вътечи* или *потечи* были в древнерусском языке еще нейтральны в отношении вида и могли употребляться в значении НСВ и соответственно обозначать настоящее время, см. примеры (5) и (6):

- (5) *А Днѣпръ втечетъ в Понтьское море*
(Лаврентьевская летопись, 1377 г.)
(6) *Днѣпръ бо потечетъ из Оковьскаго лѣса*
(Лаврентьевская летопись, 1377 г.)

Приставочная глагольная форма настоящего времени *потечеть* в примере (6) из Лаврентьевской летописи замещается бесприставочной формой настоящего времени *течетъ* в примере (7) в более поздней *Ипатьевской летописи*:

- (7) *Днѣпръ бо течетъ из Вол(о)ковьска(о) лѣса*
(Ипатьевская летопись около 1425 г.)

Приставки у глаголов такого типа выступают в древнерусском языке как показатель предельности, но еще не как маркер перфективности (см. Караванов 1992: 106–107).

Видовая система раннего древнерусского языка находилась еще в стадии становления. Старые парадигмы имперфективации еще окончательно не сформировались. Место перфективного члена в парадигмах имперфективации нередко занимает глагол с нейтральным видовым значением, ср., например, *купити* (СВ / НСВ) — *куновати, написати* (СВ / НСВ) — *написовати*. Широко представлены в этот период видовые парадигмы с несколькими имперфективными членами, ср. *подати* — *подаяти/подавати, расхытити* — *расхытати/расхищати, показати* (СВ / НСВ) — *показавати / показовати*.

3. Инновации в видовой системе русского глагола

Старые, праславянские по происхождению суффиксы *-а-* и *-я-*, заимствованные из древнецерковнославянского языка, которые вы-

ражали как итеративное, так и имперфективное значения, в процессе исторического развития постепенно утрачивают свою продуктивность. В начале XII в. возникает новый исконно русский суффикс имперфективации *-ыва-/-ива* как результат переразложения основ, ср. *умы-вати* > *ум-ыва-ти*. Употребление этого суффикса первоначально было весьма ограниченным по сравнению с продуктивными суффиксами *-а-* и *-я-*. Число имперфективных образований с этим суффиксом однако быстро увеличивается, и уже с середины XIII в. этот суффикс становится продуктивным. Он выступает вместе с другими суффиксами имперфективации, благодаря чему увеличивается число конкурирующих друг с другом имперфективных образований в парадигмах имперфективации, ср. *приставити* — *приставляти/приставливати*, *запати* — *запати/запасывати*, *сѣдѣклати* — *сѣдѣкловати/сѣдѣкльвати*, *сѣкупити* — *сѣкупляти/сѣкупливати*, *отягъчити* — *отягъчати/отягъчавати/отягъчевати/отягъчивати*. Такие имперфективы употребляются в древнерусском языке XII–XIV вв. параллельно и без всяких различий в значении. И в последующий среднерусский период (XV–XVII вв.) в языке наличествует большое количество имперфективов с параллельными суффиксами имперфективации *-а/-я-* и *-ыва-/-ива-*, ср. *исправляти* — *исправливати*, *угрожати* — *уграживати*, *укладати* — *укладывати*, *утаяти* — *утаивати*. В новое время (начиная с XVIII в.) в связи с унификацией видовых парадигм, т.е. преобразованием многочленных видовых парадигм в двучленные (см. раздел 5) выбирается один из этих суффиксов, а именно *-ыва-/-ива-*, ср. *укладывати*, *утаивати* или *-а/-я-*, ср., *исправляти*, *угрожати*. Предпочтение отдается в большинстве случаев суффиксу *-ыва-/-ива-*. В современном русском языке осталось сравнительно немного глаголов с параллельными имперфективами типа *выскребать/выскребывать*, *заготовлять/заготовливать*, *одарять/одаривать*.

4. Экспансия маркера имперфективации *-ыва-/-ива-* на итеративные образования

В течении всего древнерусского периода суффикс *-ыва-/-ива-* выступает исключительно у приставочных глаголов как средство вторичной имперфективации (см. Силина 1982: 271). Петр Кузнецов (1959, 189) отмечает, в частности, что в древнейших памятниках русского языка (например в *Лаврентьевской летописи*) совсем нет производных образований с этим суффиксом от простых (бесприставочных) глаголов. Только к началу среднерусского периода (в XV в.) возникают

образования с суффиксом *-ыва-/-ива-* от простых глаголов НСВ. По аналогии с вторичными имперфективами типа *сѣдѣловати/сѣдѣлывати* образуются итеративы типа *дѣловати/дѣлывати*. Начиная с XVI в. такие итеративные образования становятся продуктивными. Возникают даже итеративные образования от производных бесприставочных и приставочных глаголов типа: *давывати* (< *давати* < *дати*), *отъдавывати* (< *отъдавати* < *отъдати*). Старая оппозиция неитеративности/итеративности типа *сѣкти-сѣяти* замещается новой оппозицией типа *сѣяти-сѣивати*. В этой последней корреляции неитеративности/итеративности старый итератив *сѣяти* уже утратил свое первоначальное итеративное значение и интерпретируется как неитеративный противочлен к новому итеративу типа *сѣивати*. Место вторичных итеративов с суффиксом *-а-/-я-* типа *нашати, хаждати, ѣзжати* занимают теперь вторичные итеративы с суффиксом *-ыва-/-ива-* типа *ношивати, хаживати, ѣзживати*.

На базе таких итеративных образований возникает новая форма давнопрошедшего времени, обозначающая действия, не раз повторяющиеся в отдаленном прошлом (так называемое прошедшее давнего обыкновения). Значение давнопрошедшего времени обнаруживается уже в памятниках XVI и XVII вв., но особенно распространенным оно становится в XVIII в. и в первой половине XIX в. В *Российской грамматике* Михаила Ломоносова (1755) и в академической *Российской грамматике* 1802 г. (2-е изд. 1809 г.) за давнопрошедшим временем закрепляется статус основной формы прошедших времен (см. Виноградов 1972: 431). Примеры (8)–(12) из классической русской литературы XIX в. иллюстрируют хабитуальные (или узуальные) действия в отдаленном прошлом.

- (8) *Здесь в необыкновенно жаркие дни, и то раз в год, и то в прежние времена, пивали чай* (И.С. Тургенев).
- (9) *Старушка ей: „А вот камин; Здесь барин **сиживал** один. Здесь с ним обедал зимою Покойный Ленский, наш сосед...”* (А.С. Пушкин).
- (10) *И Наташа тем быстрым бегом, которым она **бегивала** в горелки, побежала по зале, в переднюю* (Л.Н. Толстой).
- (11) ***Бывало, писывала** кровью Она в альбомы нежных дев...*
(А. С. Пушкин).
- (12) ***Бывало, вся губерния съжглась** у него, **плясала** и **веселилась** на славу*
(И. С. Тургенев).

В примере (8) обстоятельство *в прежние времена* указывает на давнопрошедшее время, в примерах (9) и (10) значение давно минувшего времени выступает по отношению к общему контексту высказывания.

Узуальные действия в далеком прошлом выражались в русском языке также посредством частицы *бывало* в сочетании с итеративными или с неитеративными глаголами (см. примеры (11) и (12)).

В русской грамматической науке XIX века итеративные образования включаются в систему глагольных парадигм как особый многократный вид. Итеративность ставится тем самым на одну плоскость с перфективностью и имперфективностью. Герасим Павский, Константин Аксаков и Николай Некрасов различают три степени (или аспектуальных варианта) одной и той же основы, а именно неопределенную (*двигать*, *махать*), однократную (*двинуть*, *махнуть*) и многократную (*двигивать*, *махивать*) (см. Виноградов 1972: 382–386, 431–433). Александр Востоков в *Русской грамматике* 1851 года говорит еще более отчетливо о трех видах русского глагола: несовершенном (или неокончателном), совершенном и многократном (см. Виноградов 1972: 382). С точки зрения современной аспектологии соотносительными в рамках одной и той же глагольной основы являются только СВ и НСВ. Многократность и однократность рассматриваются как количественные модификации глагольного действия, меняющие значение глагольной основы и потому причисляемые к способам глагольного действия. Итеративы сохраняют свою продуктивность в русском языке вплоть до второй половины XIX века (см. Виноградов 1972: 432).

5. Устранение видовой недифференцированности и реорганизация видовых парадигм

Развитие видов происходит в направлении постепенной утраты нейтральных в отношении вида глаголов, т.е. экспансии видов на всю глагольную лексику. В процессе грамматикализации видов каждый русский глагол получает вполне определенную видовую характеристику. Нейтральные в видовом отношении неопределенные (атерминативные) бесприставочные глаголы типа *чхати* (см. примеры (1) и (2) в разделе 2) приобретают значение НСВ, а предельные простые глаголы типа *купити* (см. примеры (3) и (4)) становятся глаголами СВ. За нейтральными в видовом отношении приставочными глаголами типа *вѣтечи* и *потечи* (см. примеры (5) и (6)) после грамматикализации приставок закрепляется значение СВ.

В процессе исторического развития происходит формальное размежевание глаголов с полнозначными приставками, меняющими лексическое значение и вид глагола, и глаголов с грамматикализованными (или чистовидовыми) приставками, меняющими только вид глагола. Первые

из них сохраняют старые парадигмы вторичной имперфективации, вторые утрачивают парадигмы вторичной имперфективации и замещают их новыми парадигмами перфективации. Ключевую роль при преобразовании старых видовых парадигм имперфективации и замене их новыми парадигмами перфективации играет семиотический принцип взаимодозначного соответствия языковой формы и языкового содержания (см., например, Dressler 2003: 466, 471). Согласно этому принципу одно значение в идеальном случае должно кодироваться одним формальным показателем. Видовая парадигма, удовлетворяющая этому условию, должна быть бинарной, т.е. содержать только один перфективный и только один имперфективный члены.

Лексическое значение приставочного глагола *отъмстити* с десемантизированным префиксом *отъ-* в составе исходной парадигмы вторичной имперфективации *отъмстити* (НСВ и СВ) — *отъмщати/отъмщавати* (НСВ) оказывается тем же самым, что и значение бесприставочного глагола *мстити* в составе исходной парадигмы первичной имперфективации *мстити* (НСВ и СВ) — *мщати* (НСВ)). Благодаря этому возможной становится контаминация тождественных по значению парадигм первичной и вторичной имперфективации. В процессе грамматикализации префикса *отъ-* глагол *отъмстити* получает значение СВ, а нейтральный в видовом отношении глагол *мстити* становится глаголом НСВ. Глаголу СВ *отъмстити* оказываются противопоставленными в рамках одного и того же лексического значения сразу четыре глагола НСВ, а именно *отъмщати*, *отъмщавати*, *мщати* и *мстити*. Глагол СВ *отъмстити* вступает в видовое противопоставление согласно вышеуказанному принципу взаимодозначного соответствия формы и содержания только с одним из этих глаголов, а именно естественным образом с формально самым простым из них *мстити*. Таким образом возникает новая парадигма перфективации типа *мстити* (НСВ) — *отъмстити* (СВ). Все остальные маркированные имперфективные члены устраняются как избыточные в соответствии с бинарной структурой видовых парадигм, предписываемой принципом взаимодозначного соответствия формы и содержания. Сначала выходят из употребления более сложные (т.е. маркированные) приставочные дериваты *отъмщавати* и *отъмщати*, а затем и бесприставочный глагол *мщати*, производный от глагола *мстити*. Такая последовательность утраты регулируется принципом ступенчатого (или упорядоченного) устранения маркированности (см. Vennemann 1988, 2–3). В соответствии с этим принципом маркированные единицы языковой системы устраняются в порядке убывающей маркированности, т.е. более маркированные единицы утрачиваются

раньше, чем менее маркированные единицы. В итоге преобразований у приставочных глаголов с чистовидовой приставкой типа *отъмьстити* старая парадигма вторичной имперфективации *отъмьстити* — *отъмьщати/отъмьщавати* устраняется и замещается новой парадигмой перфективации *мьстити* — *отъмьстити*. У глаголов с полнозначными приставками типа *отъпасти* исходная парадигма вторичной имперфективации, напротив, сохраняется: *отъпасти* — *отъпадати*. Такие глаголы не образуют парадигм перфективации, поскольку оба члена корреляции бесприставочного и приставочного глаголов типа *пасти* — *отъпасти* являются глаголами СВ и различаются между собой значениями.

Парадигмы неитеративности/итеративности также участвуют в процессе контаминации видовых парадигм и подвергаются редукции точно таким же образом, как и прочие видовые парадигмы. Приставка *на-* у нейтральной в видовом отношении глагольной лексемы *написати* в составе исходной парадигмы вторичной имперфективации *написати* (СВ/НСВ, ср. настоящее время *напишу* и *написаю*) — *написовати/написывати* (НСВ) в ходе исторического развития десемантизируется, т.е. утрачивает свойственное ей локальное значение (писать на чем-нибудь) и грамматикализируется, т.е. становится маркером только СВ. Глагольная лексема СВ *написати*, ставшая тождественной по значению с глагольной лексемой *писати* в составе парадигмы неитеративности/итеративности *писати/писовати* — *писывати*, вступает в видовое противопоставление с глагольной лексемой НСВ *писати*. В процессе контаминации этих двух типов парадигм возникает новая бинарная видовая парадигма перфективации *писати* — *написати*, которая построена в соответствии с семиотическим принципом взаимооднозначного соответствия языковой формы и языкового содержания. Все другие члены взаимодействующих исходных парадигм (имперфективы типа *написовати*, *написывати* и *писовати* а также итератив *писывати*) устраняются как избыточные, не совместимые с бинарной организацией новой парадигмы перфективации. Утрата этих глагольных лексем происходит согласно принципу ступенчатого (или упорядоченного) устранения маркированности поэтапно. Сначала исчезают приставочные имперфективы типа *написовати* и *написывати*, которые являются более сложными по своей морфологической структуре, чем бесприставочный имперфектив *писовати* и итератив *писывати*. Вторичные имперфективы утрачиваются по свидетельству Веры Силиной (1982: 276) не раньше XVII в. Выход из употребления итеративных глаголов начинается со второй половины XIX в. (см. Виноградов (1972 :432)).

Это означает, что перестают функционировать парадигмы неитеративности/итеративности.

С этого времени парадигмы перфективации оказываются закрепленными за глаголами с десемантизированными, т.е. с чистовидовыми приставками типа *написати*. Такие глаголы не обнаруживают парадигм вторичной имперфективации, ср. *написати* — *написовати/**написывати*. Глаголы с лексически значимыми приставками типа *выписати*, напротив, образуют парадигмы вторичной имперфективации типа *выписати* — *выписывати*. Такие глаголы не образуют парадигм перфективации, поскольку оба члена корреляции бесприставочного и приставочного глаголов типа *писати* — *выписати* различаются между собой значениями.

6. Особенности функционирования видов в некодифицированных подсистемах русского языка

В разговорном русском языке и в диалектах, в которых нет ограничений, налагаемых нормами кодифицированного литературного русского языка, наблюдается более свободное, чем в литературном языке образование суффиксальных имперфективов (см. Ровнова 1998: 396–399). В кодифицированном русском языке вторичные имперфективы с продуктивным суффиксом *-ыва-/-ива-* не образуются от глаголов с грамматикализованными, т.е. с лексически пустыми (или чистовидовыми) приставками, ср. *переписать* — *переписывать*, но *написать* — *написывать. Такого ограничения не наблюдается в разговорной речи и в диалектах, ср. *давить* — *задавить* — разг. *задавливать*, *красть* — *украсть* — разг. *украдывать*, *пеленать* — *запеленать* — диал. *запеленывать*, *петь* — *спеть* — диал. *спевать*. Для разговорного русского языка и для диалектов характерна широкая вариативность старого праславянского суффикса *-а-/-я-* и нового собственно русского суффикса *-ыва-/-ива-*, ср. *загрузить* — *загружать* — разг. *загруживать*, *пригодиться* — *пригождаться* — разг. *пригаживаться*, *зарастить* — *зарастать* — диал. *зарастывать*, *выбежать* — *выбегать* — диал. *выбегивать*. В кодифицированном русском языке лишь немногие глаголы типа *заготовить* — *заготовлять/заготовливать* обнаруживают такую вариативность (см. раздел 3). Имперфективные дериваты с суффиксом *-ыва-/-ива-* представлены в диалектах (особенно в севернорусских) более широко, чем в разговорном русском языке. Они замещают в таких говорах общерусские суффиксы *-а-/-я-* (ср. *послать* — *посылать* — диал. *посыльвать*, *собрать* — *собирать* — диал. *со-*

бирывать), *-ва-* (ср. *добыть* — *добывать* — диал. *добыивать*, *продать* — *продавать* — диал. *продаивать*) и другие формальные показатели имперфективности (ср. *перенести* — *переносить* — диал. *перенашивать*, *привезти* — *привозить* — диал. *приваживать*) (см. Ровнова 1998: 399–403). Характерной особенностью диалектов по сравнению с кодифицированным литературным русским языком является широкое использование синонимических друг другу приставок в парадигмах перфективации типа *строить* — *построить* — диал. также *состроить*, *вязать* — *связать* — диал. также *вывязать* (см. Ровнова 1997: 171–173). Вариативность распространяется тем самым и на парадигмы перфективации, т.е. включает в себе всю систему видовых оппозиций. Система видовых парадигм в диалектах оказывается очень близкой к видовой системе русского языка XV–XVII вв. Она сохраняет в себе, следовательно, черты старого промежуточного этапа в организации видовой системы русского глагола. Принципиально новым явлением в диалектах является совмещение суффикса *-ыва-/ива-* с суффиксом *-ва-* в сложном суффиксе *-ывлива-/ивлива-*: *рассказывливать*, *выхаживливать*.

7. Когнитивные параметры видовых парадигм. Тенденция к оптимальному структурированию видовых оппозиций

Новые парадигмы перфективации типа *писати* — *написати*, возникшие в процессе реорганизации видовых парадигм, являются иконическими в отличие от исходных контраиконических парадигм вторичной имперфективации типа *написати* — *написовати/написывати*. Парадигмы перфективации типа *писати* — *написати* обнаруживают совпадение (или изоморфизм) отношений маркированности на концептуально-семантическом и на фономорфологическом (или формальном) уровнях. Перфективный член, обозначающий целостное глагольное действие ([+ЦЕЛ]) с включением начальной и конечной границ действия, является на концептуально-семантическом уровне более сложной (или маркированной) величиной по отношению к имперфективному члену, который обозначает нецелостное действие ([-ЦЕЛ]), т.е. некую часть глагольного действия с устранением начальной и конечной координат действия: [+ЦЕЛ] > [-ЦЕЛ] (читается как: целостное действие является более сложной величиной, чем нецелостное действие). На фономорфологическом (или формальном) уровне формы СВ с приставкой имеют в парадигмах перфективации больше морфологического материала, чем формы НСВ, в которых отсутствует приставка:

СВ > НСВ (читается как: формы СВ являются более сложными, чем формы НСВ). Парадигмы вторичной имперфективации типа *написати* — *написовати/написывати* характеризуются, напротив, прямо противоположной направленностью отношений маркированности концептуально-семантического и формального уровней. Семантически более простые формы НСВ оказываются формально более сложными по отношению к соответствующим формам СВ: они содержат в своем составе суффиксы имперфективации, которых нет в формах СВ: [-ЦЕЛ < [+ЦЕЛ] и НСВ > СВ. Эта формула читается как: на концептуально-семантическом уровне нецелостное действие является более простой величиной, чем целостное действие, а на формальном уровне форма НСВ является более сложной, чем форма СВ.

Парадигмы перфективации как иконические структуры являются в когнитивном плане более простыми (т.е. немаркированными) с точки зрения нагрузки языковой способности носителя языка по отношению к более сложным (или маркированным) парадигмам вторичной имперфективации как контраиконическим структурам: они легче усваиваются и перерабатываются в сознании носителя языка, чем контраиконические структуры, которые характеризуются дополнительной нагрузкой при восприятии языка и его порождении. При вербализации концептуальных структур (мыслительных единиц и операций с ними), имеющих форму ментальной репрезентации, говорящий производит отбор грамматических структур по степени их сложности (или маркированности). Предпочтение отдается при этом иконическим грамматическим структурам, которые характеризуются однонаправленностью (или изоморфизмом) отношений маркированности концептуального и формально-языкового уровней. Иконические языковые структуры обнаруживают минимальную когнитивную нагрузку языковой способности носителя языка, измеряемую в терминах ментальных усилий и времени обработки информации в мозгу человека. Оптимальность иконических структур объясняется их максимальным соответствием ментальным моделям (или когнитивным образцам). Грамматические структуры с разнонаправленными (т.е. неизоморфными) отношениями маркированности в концептуальной и формально-языковой репрезентациях, характеризуются соответственно дополнительной когнитивной нагрузкой языковой способности носителя языка.

Замена контраиконических парадигм вторичной имперфективации иконическими парадигмами перфективации в процессе перестройки видовых парадигм свидетельствует о действии тенденции к оптимальной организации видовых парадигм в русском языке. Удельный вес иконических парадигм перфективации в общей системе видовых

оппозиций в современном русском языке постоянно увеличивается. Происходит пополнение состава парадигм перфективации за счет контраиконических и неиконических парадигм. Парадигмы перфективации типа *готовить* — *приготовить* вытесняют в разговорном русском языке конкурирующие с ними парадигмы вторичной имперфективации типа *приготовить* — *приготовлять* и *приготовить* — *приготавливать*, ср. *готовить* (*обед, уроки*), но не **приготовлять* или **приготавливать* (*обед, уроки*). Неиконические синкретические парадигмы типа *иллюстрировать* (НСВ) — *иллюстрировать* (СВ) в современном русском языке во все возрастающем объеме замещаются иконическими парадигмами перфективации типа *иллюстрировать* (НСВ) — *проиллюстрировать* (СВ). Синкретические парадигмы такого типа обнаруживают разнонаправленные отношения маркированности концептуально-семантического и формального уровней: формы СВ являются более сложными, чем формы НСВ на концептуально-семантическом уровне и равными им на формальном уровне (см. Климонов 2008: 105–107).

8. Выход из употребления глаголов с морфологическими маркерами итеративности

Начало постепенной утраты итеративных глаголов в русском языке датируется серединой XIX в. С этого времени их употребление сокращается по направлению к современности. Выходят из употребления когда-то широко распространенные итеративы типа *бирать* (дериват от глагола *брать*), *искивать* (от *искать*), *кашивать* (от *косить*), *кучивать* (от *кутить*), *лавливать* (от *ловить*), *прятивать* (от *прятать*), *служивать* (от *служить*), *танцовывать* (от *танцевать*), *тапливать* (от *топить*), *храмывать* (от *хромать*), *храпывать* (от *храпеть*) и многие другие. В современном русском языке представлены только реликты итеративных образований порядка нескольких десятков (Мартиновский 1998: 81). Юрий Мартиновский указывает на то, что в *Грамматическом словаре* Андрея Зализняка приведены всего только 37 многократных глаголов. В качестве формальных экспонентов итеративности в современном русском языке выступают продуктивный суффикс *-ыва-/-ива-* (*писывать, сиживать*) и непродуктивные суффиксы *-ва-* и *-а-* (*живать, едать*). Среди итеративных глаголов выделяются глаголы перемещения типа *хаживать, бегивать, езжать* и *езживать, нашивать*; бытийные глаголы и глаголы со значением положения в пространстве типа *бывать, жить, сиживать, стаи-*

вать, леживать; глаголы речи и восприятия типа *говаривать, видать* и *видывать, слыхать* и *слыхивать*; глаголы физического, психического и физиологического действия типа *варивать, знаять, читывать, едать, пивать*. Итеративы с морфологическими маркерами в современном русском языке вытесняются из кодифицированного языка в сферы разговорно-бытовой речи и просторечия. В литературном русском языке они используются преимущественно в художественной литературе в качестве средства архаизации языка.

В оппозиции неитеративности/итеративности итеративные глаголы с суффиксами *-ыва-/-ива-, -ва-* и *-а-* как количественными операторами, т.е. морфологическими показателями множественности глагольного действия, выступают в русском языке как маркированные, т.е. более сложные члены по отношению к немаркированным, т.е. более простым членам, не обнаруживающим в своем составе таких суффиксов. Итеративы типа *бывать* со значением неопределенной кратности глагольного действия как маркированные формы характеризуются ограничениями в употреблении, они, в частности, не сочетаются с показателями числовой квантификации, т.е. маркерами определенной кратности действия (ср. пример (13-2)) и обнаруживают дистантную локализацию события по отношению к моменту речи (так называемое давнопрошедшее время в традиционной интерпретации) (ср. пример (13-4))

- (13-1) Олег *был* в Риме несколько раз / (всего) один раз / четыре раза
 (13-2) Олег *бывал* в Риме несколько раз / *(всего) один раз / *четыре раза
 (13-3) Олег *был* несколько дней тому назад / в молодости в Риме
 (13-4) Олег *бывал* * несколько дней тому назад / в молодости в Риме
 (13-5) Олег *бывал* в Риме

Виктор Виноградов (1972: 431–433) называет форму прошедшего времени итеративных глаголов давнопрошедшим временем. Не все языковеды признают существование особой формы давнопрошедшего времени. Так Александр Исаченко (1960: 430–433) считает, что отнесенность к отдаленному прошлому возникает у итеративных глаголов только при благоприятных контекстуальных условиях. Мне представляется, что значение отдаленного прошлого у итеративных глаголов обусловлено в первую очередь семантикой глагола, контекст только конкретизирует это заданное глагольной семантикой значение. В примере (13-5), в котором контекст не специфицирован, высказывание тем не менее обнаруживает значение давнего обыкновения и интерпретируется как: Олег когда-то в отдаленном прошлом бывал в Риме, но сейчас уже больше не бывает. Нельзя без оговорок согласиться также с мнением Татьяны Молошной (1992: 564–565), которая отрицает существование

в русском языке грамматической формы давнопрошедшего времени. В русском языке наличествуют — хотя и в ограниченном количестве — итеративные глаголы и, следовательно, представленной является и грамматическая форма давнопрошедшего времени. Совершенно очевидно, что эта когда-то весьма распространенная форма времени постепенно выходит из употребления.

Итеративные образования с суффиксами *-ыва-/-ива-*, *-ва-*, *-а-* как морфологическими квантификаторами (т.е. индикаторами множественности действия) типа *танцовывать* вытесняются начиная со второй половины XIX в. структурами с синтаксическими квантификаторами типа *обычно/обыкновенно танцевать*. Первые из них являются более сложными в когнитивном плане, чем вторые. Они обнаруживают синкретизм акциональной информации (т.е. итеративного значения) и видовой информации (т.е. значения НСВ). В конструкции типа *обычно/обыкновенно танцевать* оба этих значения разводятся по разным составляющим: итеративное значение выражается посредством обстоятельство типа *обычно* и *обыкновенно*, а показателем имперфективности становится глагол *танцевать*. Ментальные операции совокупного кодирования информации о виде и способе действия в составе одной языковой единицы являются более сложными, чем ментальные процедуры раздельной репрезентации этих двух типов информации разными языковыми единицами. По этой причине структуры с синтаксическими квантификаторами следует считать немаркированным и тем самым оптимальными, а потому и преферентными по отношению к маркированным, неоптимальным и непреферентным структурам с морфологическими квантификаторами. В конкуренции маркированных и немаркированных структур согласно принципу естественного грамматического развития (см. Wurzel 1994: 28–32) победу всегда одерживают последние. В строгом соответствии с этим принципом структуры с синтаксическими маркерами типа *обычно/обыкновенно танцевать* вытесняют маркированные структуры с морфологическими маркерами итеративности типа *танцовывать*. В современном русском языке представлены только реликты этого когда-то исключительно продуктивного класса глаголов с морфологическими маркерами итеративности. В замене структур с маркированными индикаторами итеративности структурами с немаркированными экспонентами итеративности следует видеть проявление тенденции к экономии в видовой системе русского глагола.

9. Заключение

Оппозиция неитеративности/итеративности развивается в русском языке в тесном взаимодействии с категорией славянского глагольного вида. Преобразования в структуре видовых оппозиций и изменения в формальной организации оппозиции неитеративности/итеративности неразрывно связаны друг с другом и рассматриваются поэтому совокупно.

В историческом развитии этих двух категорий я выделяю четыре основных этапа. На первом этапе развития в древнерусском языке старшей эпохи (XI–XII вв.) обнаруживается синкретизм формальных показателей этих категорий. Продуктивные суффиксы *-а-* и *-я-* праславянского происхождения выступают как экспоненты итеративности в оппозициях неитеративности/итеративности у неопределенных глаголов типа *пълзти* — *пълзати*, так и в качестве индикаторов имперфективности у предельных глаголов в видовых оппозициях типа *пасти* (<*падти) — *падати*. На втором этапе эволюции в древнерусском языке XIII–XIV вв. происходит формальное размежевание маркеров итеративности и маркеров имперфективности. Возникший в начале XII в. собственно русский суффикс *-ыва-/-ива-* становится с середины XIII продуктивным и выступают в древнерусский период (до конца XIV в.) как средство вторичной имперфективации в оппозициях типа *приставити* — *приставливати*. Старые суффиксы *-а-* и *-я-* остаются в качестве экспонентов итеративности в оппозициях неитеративности/итеративности типа типа *летѣти* — *лѣтати*. В последующий третий по счету среднерусский период (XV–XVII вв.) расширяется сфера употребления суффикса *-ыва-/-ива-*, выступающего первоначально как средство вторичной имперфективации. Этот суффикс становится также маркером итеративности, ср. *затопить* — *затапливать* и *топить* — *тапливать* (*печь*). С его помощью образуются теперь не только обычные итеративы, т.е. итеративы от простых бесприставочных глаголов типа *писывати* (< *писати*), но и итеративы от производных бесприставочных и приставочных глаголов типа *давывати* (< *давати* < *дати*) и *отъдавывати* (< *отъдавати* < *отъдати*). Этот исключительно продуктивный полифункциональный суффикс вытесняет суффиксы *-ва-* и *-а-/-я-* и становится монопольным экспонентом имперфективности и итеративности. На первом этапе развития таким синкретическим индикатором имперфективности и итеративности был старый продуктивный суффикс *-а-/-я-*. На четвертом этапе развития, датируемым с начала XVIII в. вплоть до современности, маркер *-ыва-/-ива-* перестает обозначать итеративность и становится экспонентом

только имперфективности. На этом этапе развития происходит как бы возврат ко второму этапу: Суффикс *-ыва-/-ива-* вновь становится основным формальным средством манифестации имперфективности. Итеративные образования с суффиксом *-ыва-/-ива-* выходят из употребления в процессе реорганизации видовых парадигм, вызванной устранением видовой недифференцированности.

Устранение видовой недифференцированности, связанное с полной грамматикализацией видов, послужило толчком к преобразованию видовых парадигм. В процессе реструктурирования видовых парадигм глаголы СВ с чистовидовыми приставками меняют свой аспектуальный противочлен: место вторичного имперфектива занимают теперь простые бесприставочные глаголы НСВ. Старые парадигмы вторичной имперфективации с такими глаголами уступают место парадигмам перфективации. Глаголы СВ с полнозначными приставками сохраняют за собой старые парадигмы вторичной имперфективации.

У глаголов с десемантизированными (или чистовидовыми) приставками типа *написати* в результате контаминации исходных парадигм вторичной имперфективации типа *написати* (СВ / НСВ) — *написовати/написывати* (НСВ) и парадигм неитеративности/итеративности типа *писати / писовати* [-ИТЕР] — *писывати* [+ИТЕР] возникает новая бинарная парадигма перфективации типа *писати* — *написати*. Все другие члены рассматриваемых исходных парадигм (имперфективы типа *написовати*, *написывати* и *писовати* а также итератив *писывати*) устраниаются как избыточные, не совместимые с бинарной организацией парадигм перфективации. Механизмы преобразования видовых парадигм анализируются в рамках концепции естественного грамматического развития. Рассматриваются типологически релевантные принципы маркированности (т.е. принципы естественности, или законы преферентности), детерминирующие грамматические изменения в языковых системах.

Новые парадигмы перфективации типа *писати* — *написати*, возникшие в процессе реорганизации видовых парадигм, являются иконическими в отличие от исходных контраиконических парадигм вторичной имперфективации типа *написати* — *написовати/написывати*. Иконические парадигмы перфективации типа *писати* — *написати* характеризуются однонаправленностью (или изоморфизмом) отношений маркированности на концептуально-семантическом и на фонеморфологическом (или формальном) уровнях: семантически более сложные формы СВ (со свойственным им признаком целостности действия) оказываются и формально более сложными (благодаря наличию префикса, который отсутствует в формах НСВ). Контраиконические

парадигмы вторичной имперфективации типа *написать* — *написовати/написывати* обнаруживают, напротив, контраиконизм отношений маркированности концептуально-семантического и формального уровней: семантически более простые формы НСВ (со значением некой внутренней фазы, т.е. какой-то части целостного глагольного действия) оказываются формально более сложными по отношению к соответствующим формам СВ (они имеют суффикс имперфективации, которого нет в формах СВ).

Парадигмы перфективации с однонаправленными (т.е. изоморфными) отношениями маркированности в концептуальной-семантической и формально-языковой репрезентациях, обнаруживают минимальную когнитивную нагрузку языковой способности носителя языка. Ментальные операции обработки информации в мозгу человека, связанные с затратой усилий и времени, оказываются у парадигм перфективации более простыми по сравнению с ментальными процедурами обработки информации у парадигм вторичной имперфективации с разнонаправленными (т.е. неизоморфными) отношениями маркированности в концептуальной-семантической и формально-языковой репрезентациях. По этой причине иконические парадигмы перфективации, у которых языковая форма прямо соответствует их когнитивному образцу, являются оптимальными, а потому и преферентными по отношению к неоптимальным и непреферентным контраиконическим парадигмам вторичной имперфективации, у которых языковая форма и концептуальная репрезентация не соответствуют друг другу и которые поэтому характеризуются дополнительной когнитивной нагрузкой языковой способности носителя языка.

Замена контраиконических парадигм вторичной имперфективации иконическими парадигмами перфективации в процессе перестройки видовых парадигм свидетельствует о действии тенденции к оптимальной организации видовых парадигм в русском языке. Удельный вес иконических парадигм перфективации в общей системе видовых оппозиций в современном русском языке постоянно увеличивается. Происходит пополнение состава оптимальных парадигм перфективации за счет неоптимальных контраиконических и неиконических видовых парадигм. Контраиконические парадигмы вторичной имперфективации типа *приготовить* — *приготовлять/приготавливать* и неиконические синкретические видовые парадигмы типа *иллюстрировать* (НСВ) — *иллюстрировать* (СВ) в современном русском языке в возрастающем объеме замещаются оптимальными видовыми парадигмами перфективации типа *готовить* — *приготовить* и *иллюстрировать* — *проиллюстрировать*.

В итоге преобразований видовых парадигм резко сокращается диапазон употребления сверхпродуктивного суффикса *-ыва-/-ива-* в литературном русском языке. Если раньше на третьем этапе развития этот полифункциональный суффикс являлся как экспонентом имперфективности, так и индикатором итеративности, то теперь на четвертом этапе эволюции категории вида этот маркер перестает обозначать итеративность и становится вновь — как это было на втором этапе развития категории глагольного вида — монофункциональным маркером имперфективности. Этот суффикс не охватывает однако на четвертом этапе развития глаголы с чистовидовыми приставками. Такие глаголы утрачивают старые парадигмы вторичной имперфективации. Это положение не распространяется однако на некодифицированные сферы русского языка. В некодифицированных сферах русского языка (в разговорном русском языке и в диалектах) наблюдается более свободное, чем в литературном языке образование суффиксальных имперфективов с продуктивным суффиксом *-ыва-/-ива-* как от глаголов с чистовидовыми приставками, так и от глаголов с полнозначными приставками. С помощью этого суффикса в разговорном русском языке и в диалектах образуются также итеративы. В этом отношении система аспектуальных оппозиций в разговорной русской речи и в диалектах очень близка к системе аспектуальных оппозиций в русском языке XV–XVII вв. Сверхпродуктивный суффиксом *-ыва-/-ива-* занимал на третьем этапе развития монопольное положение, являясь одновременно маркером имперфективности и итеративности. Аспектуальная система разговорного русского языка и диалектов обнаруживает тем самым архаические черты в своей организации.

Итеративные образования с суффиксами *-ыва-/-ива-*, *-ва-* и *-а-* как морфологическими квантификаторами (т.е. индикаторами множественности действия) типа *танцовывать* являются маркированными (т.е. более сложными) по отношению к конкурирующим с ними немаркированным структурам с синтаксическими квантификаторами типа *обычно/обыкновенно танцевать*. В ходе исторического развития маркированные итеративные образования с морфологическими квантификаторами выходят из употребления в соответствии с действием принципа естественного грамматического развития. Процесс утраты итеративных глаголов, начатый во второй половине XIX в., продолжается и до сих пор. В современном русском языке осталось небольшое количество итеративных глаголов, которые все более перемещаются в некодифицированные сферы русского языка. Вытеснение структур с маркированными индикаторами итеративности структурами с немаркированными экспонентами итератив-

ности следует расценивать как тенденцию к экономии в видовой системе русского языка.

Список литературы

- В.В. Виноградов: *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Москва: Высшая школа 1972².
- А.В. Исаченко: *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть вторая*. Братислава: Издательство Словацкой академии наук 1960.
- А. А. Караванов: *К вопросу о характере категории предельности древнерусского глагола*. „Вопросы языкознания” 1992, № 6, с. 103–112.
- В.Д. Климонов: *Лексическая аспектуальность в русском языке: концептуальная репрезентация и категоризация*. „Вопросы когнитивной лингвистики” 2005, № 1, с. 21–25.
- В. Климонов: *Влияние развития видов на формирование словарного состава русского языка*. В кн.: *Глагольный вид и лексикография*. Ред. Ф Леман. München: Verlag Otto Sagner 2006, с. 169–189 (Slavolinguistica 7).
- В.Д. Климонов: *Тенденция к экономии в видовой системе русского глагола*. „Przegląd Rusycystyczny” 2008, № 3, с. 100–114.
- Е.С. Кубрякова: *Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики*. „Вопросы когнитивной лингвистики” 2004, № 1, с. 6–17.
- П.С. Кузнецов: *К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка*. „Труды института языкознания АН СССР” II. Москва: издательство Академии Наук СССР 1953, с. 220–252.
- П.С. Кузнецов: *Очерки исторической морфологии русского языка*. Москва: Издательство Академии Наук СССР 1959.
- Ю.А. Мартиновский: *Глагольная приставка и вид в русском языке*. „Revue des Études Slaves”. 1998 (LXXI), № 1, с. 79–84.
- Ю.С. Маслов: *Возникновение категории совершенного / несовершенного вида*. В кн.: Ю.С. Маслов: *Очерки по аспектологии*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета 1984, с. 102–110.
- Т.Н. Молошная: *Плюсквамперфект в системе грамматических форм глагола в современных славянских языках*. В кн.: *Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка*. Москва: Индрик 1996, с. 564–573.
- О.Г. Ровнова: *Современные русские говоры в аспектологическом плане*. В кн.: *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*. Т. 3. Отв. ред. М.Ю. Черткова. Москва: Издательство Московского университета 1997, с. 169–179.
- О.Г. Ровнова: *Имперфективация глагола в русских диалектах (с точки зрения синхронии и диахронии)*. В кн.: *Типология вида: проблемы, поиски*,

- решения*. Отв. ред. М.Ю: Черткова. Москва: Языки русской культуры 1998, с. 396–404.
- В.Б. Силина: *История категории глагольного вида*. В кн.: *Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол*. Москва: Наука 1982, с. 158–279.
- N. Bermel: *Aspect and shape of action in Old Russian*. „Russian Linguistics” 1995 (19), с. 333–348.
- W.U Dressler: *Naturalness and Morphological Change*. В кн.: *The Handbook of Historical Linguistics*. Ред. B.D. Joseph, R.D Janda. Malden: Blackwell Publishing 2003, с. 461–471.
- W.U. Dressler, W. Mayerthaler, O. Panagl, W.U. Wurzel: *Leitmotivs in Natural Morphology*. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamin Publishing Company 1987 (Studies in Language: Companion Series, 10).
- W. D. Klimonow: *Ikonismus und Abweichungen vom Ikonismus in grammatischen Kategorien*. „Prace Filologiczne” XLV. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego 2000, с. 277–290.
- W. D. Klimonow: *Die Verdrängung der alten indoeuropäischen durch die neuen slavischen Aspekte im Russischen*. В кн.: *Beiträge zu Sprache & Sprachen 5: Vorträge der 11. Jahrestagung der GESUS in Bratislava*. Hrsg. L. Adamcová. München: Lincom Europa 2004, с. 193–204 (Edition Linguistik 49).
- Th. Vennemann: *Preference Laws for Syllable Structure and the Explanation of Sound Change*. Berlin–New York–Amsterdam: Mouton de Gruyter 1988.
- W. U. Wurzel: *Flexionsmorphologie und Natürlichkeit*. Berlin: Akademie-Verlag 1984 (Studia grammatica XXI).
- W.U. Wurzel: *Grammatisch initiiertes Wandel*. Bochum: Universitätsverlag Dr. Brockmeyer 1994. (Bochum-Essener Beiträge zur Sprachwandelforschung, Bd. XXIII).
- W. U. Wurzel: *On Markedness*. „Theoretical Linguistics” 24 (1998), № 1, с. 53–71.
- W. U. Wurzel: *Ökonomie*. В кн.: *Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft (HSK)*. Bd. 20. 1. Berlin–New York: Walter de Gruyter 2001, с. 384–400.

Wladimir D. Klimonow

REORGANIZACJA PARADYGMATÓW ASPEKTOWYCH I ZATRATA OPOZYCJI NIEITERATYWNOŚCI/ITERATYWNOŚCI W JĘZYKU ROSYJSKIM

Streszczenie

Reorganizacja rosyjskiego systemu aspektualnego jest rozpatrywana w ramach teorii gramatyki naturalnej. Według tej teorii zmiany gramatyczne w systemach morfologicznych języków naturalnych są determinowane przez ograniczoną liczbę zasad cechowania (czyli zasad naturalności, czyli zasad preferencji). Te typologicznie relewantne zasady funkcjonują jako prawa zmian gramatycznych. One decydują o kierunku zmian morfologicznych. Te zasady objaśniają zaświadczony rozwój historyczny zmian gramatycznych w rosyjskim systemie aspektualnym i w zakresie współdziałania aspektualności i iteratywności.

Vladimir D. Klimonov

THE REORGANIZATION OF ASPECT PARADIGMS AND THE LOSS
OF THE OPPOSITION NON-ITERATIVITY/ITERATIVITY IN RUSSIAN

Summary

The reorganization of the aspect system of Russian is investigated in the framework of the theory of natural grammar. It is claimed that the grammatical changes in morphological systems of natural languages are determined by a limited number of markedness principles (or naturalness principles, or preference principles). These typologically relevant principles are considered as the grammatical laws of change. They determine the direction of morphologically-induced changes. These principles explain the attested diachrony of grammatical changes in the aspect system of Russian and in the area of interaction between aspectuality and iterativity.